

DOI: 10.31648/pw.6874

ЯКУБ САДОВСКИ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2109-4451>

Jagiellonian University

ЯЗЫК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО НАРОДА. ОБ ОДНОЙ ПОПРАВКЕ К РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

**The language of the state-forming nation.
On one amendment to the Russian constitution
in the context of the mythological function of a legislative text**

ABSTRACT: In the conditions of a rule-of-law state, the Constitution is the main reference point of its legal system, while in the realities of modern society living in a state governed by the rule of law, it may also have significant symbolic functions. The new wording of Article 68 of the Russian Constitution, proposed in the law of 2020 on the amendment to the Constitution, defines the state language – Russian – as “the language of the state-forming nation belonging to the multinational union of equal nations of the Russian Federation”. In this article, this term is analysed as evidence of the strategy to impose mythological functions on the legislative text. In the case of the concept of “Russian language”, this strategy manifested itself as early as 2005 in the federal law on the State language, which established the status of the Russian language as a tool to “strengthen inter-ethnic relations in a unified multi-ethnic State”. The law on the amendment of the Russian Constitution goes beyond the introduction of mythological components into the legal text and presents a strategy to legitimize mythology through the act of a general vote.

KEYWORDS: constitution, legislation, myth, mythology, Russian language

Русский язык – стихотворение прозой И. Тургенева – текст хрестоматийный, известный россиянам по школьной программе. «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» (Тургенев 1982, 172) – пишет классик, в конце своего короткого размышления заключая: «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (Тургенев 1982, 172). В этом коротком произведении проявляется целый ряд единиц, ключевых в концептосфере русской культуры: величие, сопряженное с силой – и правда, сопряженная со свободой. Используемый как элемент

школьной программы, тургеневский текст преподносит ученикам основные смысловые единицы русской и российской идентичности, основные категории словаря русского и российского патриотизма. Это, пожалуй, парадигматическая манифестация культурного концепта «русский язык». Конечно же, культурные концепты заявляют о себе не только в литературной сфере. Художественная литература является, правда, пространством, где их проявление зачастую обретает форму, особо способствующую их дальнейшей трансляции. Эта новая трансляция базируется на авторитете: изначально эстетическом (проявляющемся в дискурсе литературной критики, в формировании литературного канона), затем – институциональном (таком, как школа, школьная программа, соотношение учитель–ученик). В настоящей же статье нам хотелось бы сосредоточить внимание на сфере безусловно далекой от литературы, но обладающей особым авторитетом – законодательным.

Яркие случаи проявления культурных концептов в юридическом тексте зачастую представлены теми компонентами правовых актов, которые не выполняют регулируемую функцию, которые второстепенны, или прямо-таки несущественны для юридического анализа. К примеру, в силу своей четкой регулирующей функции, для лингвокультуролога или семиотика не представляет особого интереса статья 1 пункт 3 действующего Федерального закона о государственном языке Российской Федерации (Федеральный закон 2005) – «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка, [...] правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством [...]». В отличие от пункта 3, ценный материал представляет пункт 5, выполняющий в тексте закона функцию чисто программную: «Защита и поддержка русского языка как государственного [...] способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации». Этот фрагмент законодательного акта не только связывает концепты «русский язык» и «духовная культура», но и наделяет государственный язык своеобразным культуртрегерским маркером – и с помощью такого понятийного аппарата обосновывает цель «защиты и поддержки» языка¹. Ключевое же значение с нашей перспективы имеет пункт 4: «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации

¹ Следует отметить, что вставка «как государственного» ведет к двусмысленности. Её присутствие может восприниматься либо как отождествление понятий «русский язык» и «государственный язык» («русский, то есть государственный»), либо как обозначение нетождественности «русского языка вообще» и «того русского языка, который используется в качестве государственного». Двусмысленность формулировки «русский язык как государственный» сказывается и на неоднозначности всего предписания, так как неизвестно, должен ли подлежать «защите и поддержке» «русский язык вообще» или «русский как государственный».

в едином многонациональном государстве». Функция этого пассажа далеко выходит за рамки программной – и она прояснится в ходе нашего вывода, проведенного на материале другого законодательного акта. Сейчас же констатируем, что с юридической точки зрения весь текст пункта 4 нерелевантен – его присутствие не влияет ни на что в сфере применения закона, равно как не повлияло бы ни на что его отсутствие.

В день, когда мы приступаем к написанию нынешней статьи, статус государственного за русским языком закрепляет статья 68 пункт 1 Конституции России: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык» (Конституция 1993). И пока неизвестно, как долго указанный пункт просуществует в этой редакции. Согласно опубликованному в марте 2020 года закону (Закон 2020), на общероссийское голосование вынесен пакет поправок, одна из которых меняет текст статьи 68 – но проведению референдума в изначально предполагаемый срок воспрепятствовал взрыв глобальной пандемии коронавируса SARS-CoV-2. К счастью, анализ, который мы проведем ниже, не требует забегать в будущее и угадывать ни гражданский вердикт россиян, ни дату его вынесения. Анализ же призван установить функцию компонента, которым может вскоре обогатиться статья 68. Ибо российский законодатель предлагает следующую редакцию пункта 1: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (Закон 2020, ст. 1 п. 3)².

Отметим, что соотношение старой редакции пункта 1 и фрагмента, вводимого поправкой, равноценно соотношению юридически релевантного и нерелевантного текста. Действующий пункт 1 имеет четко регулирующий характер, точно определяя, какой из существующих языков имеет на территории Российской Федерации статус государственного. Функция же новой редакции пункта неоднозначна. С одной стороны, в тексте сохранен регулирующий характер предписания, с другой – в нем появляется элемент, который в сути самой регуляции ничего не меняет. Русский язык «как язык государствообразующего народа» – это, следует полагать, все тот же русский язык. В свою очередь, компонент «народ, входящий в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» редунтантен по отношению к нескольким имеющимся в действующей Конституции предписаниям («Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (Конституция 1993,

² По ходу редакционного процесса закончился и процесс законодательный – в итоге референдума, проводившегося с 25 июня по 1 июля 2020 года, предлагаемый пакет поправок был принят, обновлённая же Конституция вступила в силу 4 июля.

ст. 3 п. 1), «Федеративное устройство Российской Федерации основано на [...] равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» (Конституция 1993, ст. 5 п. 3)), а также к ее преамбуле, в которой сформулирована идентичностная декларация принявшего ее коллективного субъекта: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, [...] исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов» (Конституция 1993, преамбула)).

Уже из самого предложения законодателя ввести в формулировку из пункта 1 грамматическое определение явствует установка на достижение определенных коммуникативных целей. При этом функцию обновленного предписания нельзя назвать программной, то есть такой, какая закреплена хотя бы за не подлежащим изменению пунктом 3: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (Конституция 1993, ст. 68 п. 3). Содержание нового члена предложения в пункте 1 – не программа: языку приписывается свойство принадлежности народу, уже создавшему государство, уже вошедшему и ныне входящему в «союз равноправных народов Российской Федерации». Суть первой части определения («...как язык государствообразующего народа») обращена не к будущему, как в случае программных деклараций, а, скорее, к прошлому: она апеллирует к определенным историческим представлениям. Вторая же часть («...входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации») апеллирует к представлениям о характере политического сообщества России. При этом обе они перенаправляют внимание реципиента от русского языка, являющегося предметом предписания, к русскому народу и идентичности тех, кто себя к нему относит.

Возвращаясь к проблематике взаимоотношений юридически релевантных и нерелевантных компонентов конституционного текста, следует четко отметить очевидное: отсутствие регулятивной «конкретики» в отдельных составных частях основного закона ни в коем случае не может считаться спецификой современного российского конституционализма. Законодательная практика демократических стран, однако, из соображений логики и ввиду требования однозначности, диктует оформление компонентов, не имеющих регулирующего характера, в отдельные структурные образования – статьи или пункты программной направленности, или же в преамбулы, зачастую являющиеся носителями идентичностных деклараций. Анализируемый случай предлагаемой новой редакции статьи 68 – это, однако, случай смешения в рамках одной элементарной структуры разных функций: одну мы признали регулирующей, вторую отнесли к сфере коллективных представлений. Пора присмотреться ближе к этой второй функции.

В истории российского и советского конституционализма примеры подобного смешения различных функций в рамках единичного предписания все же были. Так, статья 6 «брежневской» Конституции 1977 года, закрепляющая за КПСС статус «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы» (Конституция 1977, 7), представляла в структуре основного закона гибрид функций: программной, регулирующей, а также чисто идеологической – последняя обосновывает программные и регулирующие компоненты содержания статьи («Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества» (Конституция 1977, 7)). Интересный пример анализируемого явления представляют, впрочем, и дореволюционные страницы истории российского права. В статье 4 Свода основных государственных законов Российской Империи 1906 года за утверждением, что «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть» (Свод 1906), следует обоснование: «Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» (Свод 1906). Если следовать логике современных конституционных актов, можно бы придать первому предложению регулирующий характер, за вторым же закрепить статус его религиозной легитимации. Поскольку, однако, цитата относится к акту, автономно изданному монархом, утвердившим его собственноручной надписью «быть по сему», функция предписания видится единой, синкретической – и мифологической: в нем транслируется представление об устройстве вселенной.

Впрочем, если искать какой-то общий знаменатель свода законов 1906 года и Конституции СССР 1936-го, им могла бы быть именно мифологичность основных положений об источнике власти. Хоть сувереном в «сталинской» Конституции и назван, как известно, не Император Всероссийский, а «трудящиеся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (Конституция 1937, 9), сами советы определены способом, который нерелевантен юридически, зато релевантен в плане трансляции мировоззренческих установок. Протицируем полностью статью 2: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» (Конституция 1937, 9).

Независимо от возможных разногласий в плане того, что подразумевает понятие «политическая основа» страны, составляли ли ее советы в сталинскую эпоху, а также в каком смысле «выросли» и «окрепли» они к 1936 году, следует признать, что, раз уж возникла потребность определить «политическую основу» в Конституции, достаточно было бы сказать: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся». Содержание причастного оборота юридически несущественно, более того – построено с помощью крайне несвойственных юридическому тексту образных, метафорических

выражений (именно в метафорическом ключе причастия «выросшие» и «окрепшие» использованы для определения политической институции). Зато в нем «дремлет» история советов в своеобразном изложении. В данном случае – апеллирующем к коллективным представлениям из разряда политической мифологии.

Семантическую отсылку к коллективным представлениям о прошлом и настоящем политического сообщества мы уже обнаружили в поправке к статье 68 действующей российской Конституции. Пора обратить внимание и на то, что тексты статьи 2 Конституции СССР 1936 года и статьи 68 пункта 1 Конституции РФ структурно сходны. Ниже приводим оба положения еще раз, в хронологическом порядке, выделяя фрагменты, не имеющие ни регулятивного, ни программного значения:

- а) Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.
- б) Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

В обоих случаях точка, будь она поставлена там, где заканчивается обычный шрифт, гарантировала бы стоящему перед ней тексту статус предложения не только в грамматических, но и в логических категориях. И в обоих случаях введенный в состав грамматического предложения член, обозначенный разреженным шрифтом, лишает его логического статуса, сводя на нет возможность определить значение его истинности. Ибо если только известно значение элементов: «политическая основа СССР» (обозначим этот элемент как «а»), «Советы депутатов трудящихся» («б»), «русский язык» («в») «государственный язык Российской Федерации» («г»), «территория Российской Федерации» («д»), то можно определить ложность или правдивость предикатов: СОСТАВЛЯЕТ (а, б), ЯВЛЯЕТСЯ (в, г, д). Первая, невыделенная часть предложения а), отнеси ее к политической действительности СССР 1936 года, при некоторых толкованиях значения элемента «политическая основа» получит статус истинной, при других – статус ложной. Первая часть предложения б), сверь ее с реалиями сегодняшней России, получит статус истины. Определить же истинность или ложность предложений в их полном виде невозможно. Ибо, в случае а): существуют ли советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие не «в результате свержения власти помещиков»? Или «выросшие, но не окрепшие»? Если да, то входят ли они все-таки в «политическую основу», или она «забронирована» только для одновременно «выросших»

и «окрепших»? И как проверить, «окреп» ли совет, и «вырос» ли именно «в результате свержения власти помещиков»? В случае б): существует ли русский язык как «язык не-государствообразующего народа»? Если на российской территории иностранец обращается на выученном им «русском языке как иностранном» к российскому чиновнику, владеющему «русским языком как языком государствообразующего народа», то оба ли ведут разговор на государственном языке Российской Федерации?

То, однако, что несостоятельно на формальном языке логики, необязательно не вмещается в «логику» естественного языка и ряда систем, вторичных по отношению к нему и им обслуживаемых. Содержание членов определения, вызывающее логическую несостоятельность целого, все же обеспечивает ему некую «добавленную стоимость». Она заключается в трансформации знака (или знакового комплекса), выступающего грамматическим подлежащим. Так, окажись в предложении а) точка после слов «Советы депутатов трудящихся», они относились бы к своему институциональному референту (т. е. к совокупности коллегиальных представительных органов власти, называемых в советскую эпоху советами). В то же время, присутствии члена определения закрепляет за интересующим нас словосочетанием нарратив, объективировавшийся в коллективных представлениях (неважно, насколько всеобщих и насколько оправданных). Словосочетание, хоть и продолжает отсылать к институциональному референту, начинает выполнять роль конденсатора нарративных смыслов. «Советы депутатов трудящихся» из состава знаков превращаются в емкий текст, рассказывающий о «свержении власти помещиков и капиталистов и завоевании диктатуры пролетариата», а значит – отсылающий к целому универсуму большевистской политической мифологии в сталинской редакции, начиная с отмены крепостного права и заканчивая коллективизацией сельского хозяйства СССР. Не иначе обстоит дело с «русским языком» из предложения б): словосочетание отсылает не к социально (в том числе и юридически) объективирующимся коммуникативным нормам, не к абстрактной системе, называемой русским языком, а – путем многоступенчатой метонимической проекции – к народу носителей этого языка, а значит – к народу, образовавшему российское государство, а значит – и ко всей истории российской государственности, истоки которой начерчены еще в *Повести временных лет*, современность же представлена с помощью категории «многонациональный союз равноправных народов».

Таким образом мы видим, что – при номинально юридической онтологии содержания предложений а) и б), – за счет семиозиса, осуществляющегося благодаря членам определения, выполняется функция трансляции некоторых аксиологических, идентичностных, мировоззренческих установок, связанных мифологическим нарративом. Структура самого семиозиса не сильно отличается от той, которую Р. Барт приводит в своем известном примере,

иллюстрирующем структуралистский тезис о вторичных семиологических системах, где языковой знак, понимаемый как «результат ассоциации концепта и акустического образа», становится всего лишь означающим знака системы «надстроенной» (Барт 1989, 78):

Предположим, я сижу в парикмахерской, мне протягивают номер журнала «Пари-Матч». На обложке изображен молодой африканец во французской военной форме; беря под козырек, он смотрит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг. Таков смысл изображения. Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция – это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям. И в этом случае передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть репрезентация означаемого посредством означающего (Барт 1989, 80-81).

Структуралистский подход Барта применим и для анализируемого нами материала, но с существенной оговоркой. Согласно его концепции, «великая Империя», увиденная глазами того, кто поглядывает на обложку с изображением отдающего честь военного, – и есть миф. В то же время, возможность или готовность реципиента сообщения декодировать сообщение путем отнесения знака (или – как в бартовском примере – знакового комплекса) к знаковым комплексам высшего порядка не свидетельствует еще о мифологической функции самого сообщения. Не потому, что структуру современных политических мифов нельзя априори отождествлять со структурой тех их предшественников, которые бытовали в традиционных культурах, да и не потому, что якобы лишь мифам таких культур подобаает статус «настоящих». А потому, что (по крайней мере, в категориях заключений структурно-семиотической школы) миф является экспрессией мифологии как типа мировоззрения, причем – экспрессией нарративного характера (Czeremski 2009, 43-64). Поэтому дело не в том, чтобы – как у Барта – понять, «что хочет сказать мне это изображение», а чтобы при его декодировке уметь отнести его к мировоззренческому универсуму, проецируемому с помощью нарративов. Современная же политическая мифология отличается от «классической», кроме всего прочего, тем, что свои нарративы выстраивает с помощью схем не фантастических, а таких, которые зафиксированы в исторической памяти социумов.

Нарративы, «надстраиваемые» на языковых знаках, используемых в законодательных текстах, отсылают к мировоззренческой картине мира, объективирующейся, в частности, с помощью нарративов исторической памяти (не тождественной ни познаниям профессиональной исторической науки, ни понятиям «исторического прошлого» и «исторической правды», весьма, кстати, проблематичным после т. н. лингвистического поворота в историографии). В этих же нарративах объективируются и все культурные константы, участвующие в построении мировоззренческой картины мира, и все социально релевантные элементы (понятия, идеи, конструкты), которые, влияя на структуру этой картины, требуют описания в ее категориях.

Собственно, эти последние элементы вполне могут существовать и вне эксплицитных или имплицитных нарративов. Если же они обретают нарративную форму, то это происходит вторично и несколько меняет их статус. Приверженцы лингвокультурологической традиции, зачастую исходя из разных методологических перспектив описания этих единиц, называют их идеологемами. Так, Наталия Купина называет таким образом единицы идеологической картины мира, в сообщениях и текстах обретающих вид «мировоззренчески насыщенных слов» и обладающих высоким персуазивным потенциалом (Купина 2000, 182-189). По словам Гасана Гусейнова, идеологема — основные единицы идеологического языка, отсылающие, в частности, к комплексу мировоззренческих норм (Гусейнов 2003, 26-27). В свою очередь, Петр Земшал видит в них основные единицы мышления и мировоззренческой идентичности, аксиологические константы определенной идеологической среды, способные объективироваться с помощью языка и других средств выражения (Zemśał 2018, 98). Налицо общий знаменатель этих определений: мировоззрение.

В законодательном тексте идеологема могут проявляться как в его регулятивных, так и в программных компонентах. Так, к примеру, в тексте статьи 13 действующей Конституции в нескольких программных утверждениях проявляется — особо актуальная для культурной модели периода перестройки и девяностых годов — идеологема «плюрализм» («в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» (Конституция 1993, ст. 13 п. 1), а также «политическое многообразие, многопартийность» (Конституция 1993, ст. 13 п. 3)). В свою очередь, идеологема «гражданский мир и согласие», проявившись уже в преамбуле (Конституция 1993, преамбула), проецируется, в частности, на регулятивное предписание пятого пункта статьи 13, запрещающего «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на [...] разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (Конституция 1993, ст. 13 п. 5). В Конституции СССР 1936 года с легкостью можно обнаружить проявления идеологема «труд», своеобразным манифестом которой служит статья 12:

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: „кто не работает, тот не ест“. В СССР осуществляется принцип социализма: „от каждого по его способности, каждому – по его труду”» (Конституция 1937, 11).

Вернемся к рассматриваемым нами предложениям а) и б). Мы сможем легко убедиться, что «Советы депутатов трудящихся» из первого и «русский язык» из второго, в силу своей «мировоззренческой насыщенности» и высокого персуазивного потенциала можно отнести к идеологемам. Но эти идеологемы от указанных выше примеров отличает одна структурная особенность – имплицитно имеющийся в них нарратив, обеспечиваемый членами определения. Идеологемы «плюрализм» и «гражданский мир» в Конституции России и «труд» в Конституции СССР лишены таких вкраплений. А значит, фигуры из предложений а) и б) принадлежат к особому классу идеологем. К классу идеологем по-особому углубленных: не просто «мировоззренчески насыщенных», а ставших частью интерсубъективной мировоззренческой картины мира, обретших социально объективированную нарративную схему – и в силу этого гарантирующих высокий персуазивный потенциал, свойственный мифологическим нарративам (понимаемым не в категориях содержания повествуемого, а в категориях его структуры³). Этот класс идеологем мы вправе называть мифологемами. Конечно же, присутствие относящихся к нему единиц в анализируемых нами юридически нерелевантных компонентах законодательных актов наглядно свидетельствует о мифологической функции самих этих компонентов.

Интерсубъективный характер мифологемы и ее структура, опирающаяся на культурные константы социума, в котором она объективируется, означают, что одна и та же мифологема может и должна проявляться во многих высказываниях и/или текстах, независимо от их жанровой принадлежности. Хотя мировоззренческая картина мира может и должна меняться по ходу времени, она – благодаря именно культурным константам и транслируемым нарративам – остается относительно стабильной структурой. Это сказывается и на относительной стабильности мифологемы, а значит, она может и должна проявляться на разных этапах исторического функционирования культурной системы. Легко в этом убедиться, сравнив функционально эквивалентные компоненты исследуемой нами статьи 68 российской Конституции в предлагаемой законодателем редакции и фрагментов гимна СССР⁴. Если поправка к Конституции называет русский язык «языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных

³ Структуры, описанной Дж. Кэмпбеллом в *Тысячеликом герое* (Кэмпбелл 2018), адаптированной для нужд нарративных искусств К. Воглером (Воглер 2017), персуазивный характер которой в мире маркетинга анализирует в своей популярно-научной книге М. Черемский (Czeremski 2016).

⁴ В интересующем нас плане эти фрагменты одинаковы в редакциях 1943 и 1977 годов.

народов Российской Федерации», то имплицитный нарратив апеллирует к представлениям о формировании государства русскими и создании таким образом дружной многонациональной платформы. Нарратив, апеллирующий к тем же представлениям о «государствообразовании», в советском гимне проявился на уровне двух открывающих его строф («Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь»), представление же о дружной многонациональной платформе — в двух первых строках припева⁵ («Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надёжный оплот!»). Конечно же, этот «оплот» имеет свой эквивалент и в нынешнем, опять-таки «михалковском» гимне России, в виде слов «Братских народов союз вековой» — и вместе с ним, а также со статьей 68 в предложенном варианте разделяет одну и ту же идеологему (вернее — ее телеологический компонент).

Конечно же, в сфере государственной символики идентичностные референтные точки напрямую релевантны. Тексты государственных гимнов могут либо сами быть задействованы в структуре определенных мифологем, либо быть местом проявления многих из них — независимо от того, становится ли официальной эмблемой страны песня, сложившаяся исторически, или как в случае гимнов, написанных Михалковым, — песня, текст который намеренно писался с целью стать идентичностным манифестом. В некоторой степени символической и идентичностной сферой является и законодательство, выработавшее жанры особых вкраплений в текстах регулятивного характера. Конституция в реалиях правового государства является основной референтной точкой его законодательной системы, в реалиях же современного общества, живущего в правовом государстве, может оказаться и носителем весомых символических функций. Предложение новой редакции статьи 68 российской Конституции несомненно свидетельствует о стратегии накладывания мифологических функций на компоненты законодательного текста. По отношению к концепту «русский язык» эта стратегия проявилась уже на уровне федерального закона о государственном языке, закрепившего за языком Пушкина и Тургенева статус инструмента по «укреплению межнациональных связей» «в едином многонациональном государстве» (Федеральный 2005, ст. 1 п. 4). Закон о поправке к российской Конституции Российской Федерации свидетельствует, однако, еще об одном: о стратегии легитимизации мифологем с помощью акта всеобщего голосования.

⁵ В редакции 1943 года — в двух первых строках текста первого припева.

Библиография

- БАРТ, Р. (1989), Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва.
- Воглер, К. (2017), Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. Москва.
- Гусейнов, Г. (2003), Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. Москва.
- Закон... (2020), Закон Российской Федерации о поправке к Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”. В: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> [доступ: 30 III 2020].
- Конституция... (1937), Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Издание ЦИК СССР на языках союзных республик. Москва.
- Конституция... (1977), Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. Москва
- Конституция... (1993), Конституция Российской Федерации. В: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> [доступ: 30 III 2020].
- Купина, Н. (2000), Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем. В: Русский язык сегодня. 1, 182-89.
- КЭМПБЕЛЛ, Д. (2018), Тысячеликий герой. Санкт-Петербург.
- Свод... (1906), Свод основных государственных законов Российской Империи. В: ru.wikisource.org/wiki/Основные_Законы_Российской_Империи/Часть_первая [доступ: 30 III 2020].
- ТУРГЕНЕВ, И. С. (1982), Сочинения. Т. X: Повести и рассказы. 1881-1883. Стихотворения в прозе. 1878-1883. Произведения разных годов. Москва.
- Федеральный... (2005), Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ „О государственном языке Российской Федерации” (с последующими изменениями и дополнениями). В: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349601&backlink=1&&nd=102092715> [доступ: 30 III 2020].
- CZEREMSKI, M. (2009), Struktura mitów. W stronę metonimii. Kraków.
- CZEREMSKI, M. (2016), Strategia mitu w marketingu. Jak wiedza o tradycyjnych opowieściach i ewolucji ludzkiego umysłu pomaga zarządzać marką. Kraków.
- ZEMSAŁ, P. (2018), Kultura – ideologia – metafora. Metaforyczne dychotomie związane z kategoriami SWOICH i OBCYCH w ideologicznym subdyskursie o kulturze w ZSRR w latach 1953-1957. Toruń.